

Геннадий Алексеевич Обухов – первый доцент кафедры психиатрии, заведующий кафедрой с 1963 года по 1997, организатор психиатрической службы Гродненской области.

Вот что рассказал о себе Геннадий Алексеевич: «Я родился в 1924 году в казачьей семье, жившей в станице Слепцовская в Чечено-Ингушетии. Первая моя колыбельная включала слова: "За рекою злой чеченец точит свой кинжал". Образование моих родителей – по два класса церковно-приходской школы. Однако они не стали тянуть лямку тяжёлого крестьянского труда и уехали в город Владикавказ, где отец устроился на работу в систему лесозаготовок. Учиться в школе я начал в 1931 году в городе Майкопе Краснодарского края. Учеба давалась мне легко, поэтому я много читал, к концу четвёртого класса прочитал все книги в детской библиотеке, и меня записали во взрослую библиотеку.

В 1933 году северный Кавказ и Украину постиг голод, я видел, как по улице шли люди, падали и умирали. Нашей семье повезло, так как отец получал из России часть зарплаты в виде посылок с ржаной мукой. Тем не менее, у меня на всю дальнейшую жизнь остался страх перед голодом.

Начальную школу я окончил с похвальной грамотой и перешёл в среднюю. Здесь мне очень повезло – классным руководителем у нас была Антонина Павловна Измайлова – учительница русского языка и литературы. Она воспитывала в учениках честность, порядочность, патриотизм, чувство собственного достоинства, и умела увлечь литературой с ее высокими идеалами. Единственное, что она не прививала – это прагматизм, и все мы остались немного идеалистами в последующей жизни.

В классе у нас, как и во всей школе, учились дети разных национальностей: русские, украинцы, евреи, немцы, армяне, адыгейцы. Никогда перед нами не ставился вопрос, какая из наций лучше, важнее и достойнее. Не было и зависти к лучшим ученикам, не было любимчиков. Учёбой я занимался добросовестно, не без особого рвения, что позволило мне в конце учебы получить серебряную медаль и возможность поступить без экзаменов в любой институт. Моя профориентация определилась в десятом классе. Моя старшая сестра, студентка Ростовского мединститута, спросила меня, что мне в жизни нравится. Я отвечал, что меня привлекает психология людей, их особенности и способы исправления характеров. Тогда она сказала, что мне прямая дорога на психиатрию в мединститут. Я робко возразил, что там же надо изучать и хирургию, и это для меня неприемлемо. Она успокоила меня, что это можно пройти без особых усилий и стараний, лишь бы добиться своей цели.

Я закончил среднюю школу в г. Майкоп за 4 дня до начала войны. Я решил поступать на психоневрологический факультет Харьковского мединститута, но война помешала моим планам.

Известие о начале войны представилось мне несчастьем, – немцев жалко, зачем они со своим 70 млн населением замахнулись на СССР с их 170 млн.

На второй день войны нашим войскам сдался в плен Герман Литке, и это казалось залогом быстрого окончания войне – зачем воевать коммунистам Германии со страной победившего социализма.

Но военные сводки, передававшиеся по радио на нескольких языках, становились всё тревожнее, тогда я решил лично помочь нашей победе. В 17 лет военкомат не взял меня добровольцем, и я написал письмо наркому Климу Ворошилову. Ответа пришлось ждать долго, и я пропустил время поступления в институт. Письмо из наркома тоже было неутешительным. Тогда я поступил на факультет иностранных языков Краснодарского пединститута, но там проучился один семестр, а затем поступил на курсы радистов с последующей отправкой на фронт. И опять меня не взяли воевать, а призвали в начале июля 1942 года в военно-пехотное училище. Вместе с ними отступал от Краснодара до Сухуми – это 800 км пешком.

Вскоре Берия – зам. командующего фронта по тылу – распорядился расформировать наше училище и отправить на фронт. Мы об этом не сильно-то переживали, так как нас учили только строевому шагу и выработке командирского голоса. На фронт под Новороссийск я попал в декабре 1942 года в качестве радиста батальона. Ниша в горах для радиостанции была очень удобной, много "мёртвого пространства", а немецкие миномётчики начинали нас обстреливать на 3-й минуте сеанса передачи. Отделение радистов в батальоне состояло из трёх человек. Мы пользовались трофейной переносной радиостанцией, которая почему-то называлась «Партизанка». Она состояла из приёмника, передатчика и динамо-машины весом 10 кг, в которой механическая энергия превращалась в электрическую, а для этого мне нужно было часами крутить тяжёлую ручку. Сеансы передач были 1 раз в 3 часа, круглые сутки, и поэтому основное желание у меня было – спать.

В марте 1943 года наш фронт сдвинулся благодаря наступлению 56-ой армии, пришедшей от Моздока через Армавир и Краснодар. Мы подошли к станице Крымской, вокруг которой немцы создали замкнутый вал «Голубая линия». Здесь я и был ранен 5 апреля 1943 года буквально на боевом посту, так как стоял на вахте у штаба батальона, а немцы методично один раз в десять минут стреляли по площадям из 202-мм орудия. Ранение поначалу казалось несерьёзным, так что меня отправили в медсанроту пешком, тем более что солдат в батальоне осталось очень мало. Два километра я прошёл за восемь часов. Когда я взбирался на заре на «взгорок», вдруг передо мной взметнулись четыре фонтанчика земли – заработал немецкий станковый пулемёт. Я обернулся назад, и в это время взметнулись четыре фонтанчика за мной. Тогда я поднял руку, повертел пальцем у виска и показал на раненую ногу. Пулемёт замолчал.

В госпиталях я провел восемь месяцев, в связи с осложнениями – остеомиелит, гангрена. В результате: восемь месяцев в госпитале, шесть операций, и демобилизация как «негодного» к военной службе.

Дальше был мединститут, за ним – любимая психиатрия. На всю оставшуюся жизнь самый счастливый день в моей жизни, как у всех, был день Победы. Все мы считали, что война была столь ужасной, что больше

никто не захочет воевать. А вот американцы в ту войну, видно, не навоевались. Хорошо, что у нас есть ракеты, мы можем спать спокойно.

Я поступил в Северо-Осетинский мединститут в 1944 г. потому, что во Владикавказе у меня было много родственников, в основном тѣти по материнской линии. Время было трудное, ещё не кончилась война, институт только что вернулся из эвакуации, каждый студент должен был принести свой стул.

Учиться я старался, помогала хорошая зрительная память, но отличные оценки на экзаменах были для меня приятной неожиданностью. На втором курсе у меня произошла необычная история. Кафедра биохимии предложила мне сделать доклад на студенческой конференции по витаминам группы В. Доклад я подготовил, но не знал, должен ли я его читать или знать наизусть. Кто-то из старшекурсников сказал, что доклад надо знать наизусть. Когда я на конференции начал читать доклад, в зале погас свет. Я без всякой запинки продолжал свой доклад в полной темноте, и меня слушали внимательно, ждали, когда я собьюсь. Когда мне нужно было зачитать выводы, свет зажегся. Доклад заслужил аплодисментов аудитории.

На третьем курсе мне дали Сталинскую стипендию, и жить стало легче. Чтобы заслужить такую стипендию, надо было заниматься общественной работой, и я стал казначеем профкома института и членом правления студенческого научного общества. Председателем его был профессор Борис Давидович Фридман, заведующий кафедрой психиатрии. С ним я скоро сблизился, так как моя приверженность психиатрии его полностью удовлетворила, а мою неприязнь к хирургии он просто объяснил, тем, что это не мой профиль интересов. Я стал посещать студенческий кружок при кафедре психиатрии с третьего курса, а на пятом уже выступал с докладами.

Моя общественная активность привлекла внимание парторга института, и он предложил мне вступить в партию. Я согласился, поскольку видел в этом путь к научной деятельности, к тому же студенты были обо мне высокого мнения. Однажды у меня состоялся разговор с приятелем Эльбрусом Кучиевым. Я ему сказал, что он учится ниже своих возможностей. Он ответил мне: «Ты, Геннадий, учись – тебе это надо, ты профессором будешь, а мне не надо, я министром буду!» И, кстати, он стал министром здравоохранения Северо-Осетинской АССР раньше, чем я стал профессором.

Окончил я институт с красным дипломом и получил направление в клиническую ординатуру по психиатрии. Однако я этим направлением не воспользовался, а поехал в Москву поступать в аспирантуру в институт судебной психиатрии имени профессора Сербского, в котором аспирантам предоставлялось общежитие. Со мной конкурировало двое московских отличников. Два предмета мы все сдали на пятёрки, а на третьем я получил пять, а мои соперники – по четвёрке.

1 сентября 1949 года я вступил на трудный, но почетный путь науки. С этого же дня я познакомился с клиническим ординатором, Аносовой

Ниней Дмитриевной, с которой мы вскоре соединили наши судьбы, и наш союз продолжается уже свыше пятидесяти лет.

Моим руководителем был назначен профессор Халецкий Абрам Миронович, человек эрудированный, строгий и методичный, у него нельзя было не написать диссертацию. Научным консультантом института был профессор Гуревич Михаил Осипович, автор популярного учебника по психиатрии.

1949 год был переломным в психиатрии – годом внедрения Павловского учения и борьбы со всеми идеалистическими и психоморфологическими учениями, что привело к отстранению многих корифеев от науки и появлению новой звезды на этой ниве – профессора Снежневского Андрея Владимировича. В 1950 году я с ним познакомился лично, когда он ненадолго стал директором института судебной психиатрии им. В.П. Сербского.

Он даже объявил однажды мне благодарность в приказе «за мужество во время дежурства». Я вошел один в изолятор, где психопат полосовал свою грудь осколками стекла.

Я подбирал материал по теме диссертации, вел больных, участвовал в научных конференциях, заседаниях московского научного общества невропатологов и психиатров, заседаниях стационарной и амбулаторной экспертиз, кругозор мой постепенно расширялся. К концу аспирантуры у меня была вчерне готова диссертация «Клинические варианты псевдодеменции», но вскоре начались новые переживания – гонения на врачей. Летом 1952 года меня вызвала секретарь Фрунзенского райкома партии Фурцева Екатерина Алексеевна и спросила, что я могу сказать о своём руководителе Халецком А.М. Когда я ответил, что могу сказать только хорошее, на её лице появилась мина неудовольствия. Вскоре мой руководитель был изгнан из института за то, что в 1929 году он опубликовал за свой счёт патобиографию Троцкого, и доказал, что тот был психопатической личностью с завышенной самооценкой. Профессор Халецкий А.М. переехал в Астрахань на заведование кафедрой психиатрии.

Неразбериха с кадрами кончилась только со смертью Сталина. Тогда меня направили младшим научным сотрудником в институт психиатрии МЗ РСФСР. Здесь моим руководителем стал профессор Жислин Самуил Григорьевич, человек эрудированный и методичный. Под его руководством я завершил и в 1954 году сдал на защиту кандидатскую диссертацию. Это было время, когда на защиту сдавались ранее отвергнутые и переписанные в духе Павловского учения диссертационные работы. В результате создалась большая очередь на защиту, и я смог защититься только к концу 1955 года. К этому времени я был уже ученым секретарём и председателем месткома института, работал над вопросами лечения шизофрении.

Главный редактор журнала «Невропатология и психиатрия», все тот же А.В. Снежневский, зная, что я владею несколькими иностранными языками, предложил мне делать для журнала ежегодные обзоры по клинике и лечению шизофрении. Первые две статьи появились в журнале в 1956 году, к

этому времени я уже работал заведующим неврологическим отделением в Тегеране, в больнице Советского Красного Креста. Бытовая неустроенность, отсутствие жилья, только что родившийся сын привели к необходимости смены места работы.

Тегеран нас встретил теплом в конце осени, радушием сотрудников и уважением местного населения. Работать в таких условиях было приятно; хотя случались и недоразумения. Весной 1957 года в Тегеран приехал король Ирака Фейсал, и шах Ирана встречал его сам. Кортёж проезжал в десять часов утра по улице Надери, где находилась наша больница и мы все оставили наших больных и вышли в халатах на улицу посмотреть на шикарную процессию и золотой «Форд» шаха. Вечером этого дня шах на приёме в честь короля выразил советскому послу благодарность советским врачам за дружную их встречу. На следующий день посол вызвал главного врача больницы и сделал ему выговор.

Работа в больнице была интересной, приходило много больных со смежными и запущенными заболеваниями, ко мне попали на приём даже два больных проказой. Больница имела большой авторитет у населения из-за того, что здесь больные узнавали правду, а местные врачи могли обманывать больных, чтобы побольше на них заработать. Больные приезжали из разных стран: Ирака, Египта, Сирии, Пакистана, Кувейта.

Я работал психоневрологом, что соответствовало тогдашнему западному разделению специальностей. У меня был амбулаторный приём и стационар на десять коек. В основном в стационаре лечились больные опиоманией. В 1957 году больницу посетила принцесса Шамс – сестра шаха и председатель иранского общества, аналогичного нашему Красному Кресту. Когда она вошла в палату с наркоманами, она втянула в себя воздух и сказала, что здесь пахнет опиём. Я объяснил ей, что больные выдыхают опий.

Больница выпускала ежегодно научные труды врачей, и я поместил в двух сборниках статьи о лечении наркомании. Работали мы два года без отпуска, и в конце 1958 года вернулись в Москву. Здесь нас никто не ждал. Моссовет не ставил на очередь на получении квартиры, даже отказывали в приобретении кооперативных квартир, и нам пришлось искать другое место жизни. В это время к профессору Жислину приехал его друг из Кишинёва – профессор Молохов Алексей Николаевич – заведующий тамошней кафедрой психиатрии. Он пригласил меня к себе на работу, и в январе 1959 года мы приступили к работе в психиатрической клинике «Костюжены». Я заведовал отделением и по совместительству был ассистентом кафедры, присутствовал на всех лекциях, участвовал во врачебных конференциях. Профессор Молохов представлял Московскую школу психиатрии, был эрудированным, с многосторонними интересами, он много дал для моего дальнейшего образования. Времени для научной работы было достаточно, и я с двумя врачами обследовал методом пневмоэнцефалографии 300 больных шизофренией. Результатами этого исследования стала монография «Пневмоэнцефалография при шизофрении», вышедшая в свет в 1968 году.

Оказалось, что перспектив роста для меня в этой клинике нет, о чем мне откровенно сказал министр здравоохранения МССР.

Пришлось искать другое место жизни и работы. В 1962 году я прочел объявление о конкурсе на должность доцента на кафедре психиатрии во вновь организованном Гродненском мединституте. Я подал документы на конкурс и прошёл его успешно, будучи избранным, из двух претендентов. Гродно встретил нас хлопотами и заботами. Места для кафедры в городе не было. Был амбулаторный приём в психоневрологическом диспансере, где работали три врача, была психиатрическая больница «Бояры» в двадцати пяти километрах от города. Лекции можно было читать в городе, а на практические занятия в течение осеннего семестра мы ездили со студентами на заказных автобусах в «Бояры», не всегда без приключений.

В 1963 году облздрав выделил нам стационар на пятьдесят коек в здании бывшего интерната для престарелых. Здесь уже было легче заниматься со студентами, которые могли курировать больных. Только в 1966 году мы получили полноценный стационар, из которого переехала областная больница. Здесь был лекционный зал, так что лекции можно было сопровождать демонстрацией больных, что очень привлекало студентов.

Преподавание психиатрии сотрудниками кафедры позволило развеять у студентов предубеждение о тяжести и неизлечимости психических заболеваний, что позволило в последующем без труда сформировать психиатрическую сеть в Западной Белоруссии. Постепенно была создана ранее не существовавшая сеть районных психоневрологов и наркологов, не было проблем с набором коллектива врачей в открывшейся в 1973 году большой областной психбольнице «Островля».

На кафедре с первого года работы был организован студенческий кружок, на котором студенты делали вначале реферативные сообщения, а позже стали сообщать о собственных исследованиях. Постепенно подобрался состав кафедры, который рос вместе со студентами. На кафедре под моим руководством было защищено 4 кандидатские диссертации. Звание доцента и заведование кафедрой я получил уже в 1963 году, как и должность зам. декана, и с 1967 по 1977 год – декана института, что сближало меня ещё больше со студентами, которые ценили во мне честность и справедливость.

Однако пришло время мне подумать о докторской диссертации. Мне нравилась тема - особенности реактивных психозов в общепсихиатрической практике, и я сопоставлял их с судебнопсихиатрическими аспектами. Но реактивных психозов этого рода в практике оказалось немного, а невротических ипохондрических состояний – очень много. За довольно короткий срок я подобрал 400 наблюдений. Эти больные обследовались так же на состояние сердечно-сосудистой системы, изучалась спонтанная и лечебная динамика. В результате в 1973 году мною была защищена докторская в институте психиатрии МЗ РСФСР. В 1974 году мне было присвоено звание профессора, а в 1975 – звание заслуженного врача БССР, что было мне особенно приятно, потому что я всегда считал себя в первую

очередь врачом-лечебником, к которому тянутся больные, верят его словам и во многих случаях излечиваются.

Научная работа на кафедре велась по ряду направлений в соответствии с интересами сотрудников и возможностями кафедры, достаточно ограниченными. Больше всего внимания мы уделяли диагностике и лечению алкоголизма, биохимическим сдвигам при этом заболевании. Другое направление - «клиника и диагностика пограничных заболеваний». По этой проблеме мой сын, Сергей Геннадьевич, врач-психиатр (как и его родители), защитил кандидатскую диссертацию по теме реактивных депрессий. Заболевания эти в наш беспокойный век стали весьма актуальными.

Моя любовь к литературе по психиатрии привела меня к идее составлять рецензии на немецкие и польские монографии, которые я постоянно читал и переводил. Кроме того, я перевел с немецкого два учебника: «Психиатрия» и «Психосоматическая медицина», вышедшие в 1999 году. К автору первого учебника я даже ездил в Мюнстер, чтобы уточнить детали перевода, а заодно прочитал там доклад о состоянии белорусской психиатрии. Эти переводы я сделал по предложению ректора, профессора Маслакова Д.А., призывавшего сотрудников знакомить студентов с достижениями западной науки.

Всё имеет свои сроки, и мне пришло время передать кафедру, и по моей рекомендации кафедру возглавил мой сын, доцент, и он полностью справляется с этой работой и продолжает традиции кафедры.

Уже после выхода на пенсию в 1997 году мне было присвоено звание заслуженного доктора наук – звание почётное и очень приятное.

Мне не хотелось терять связь с практикой, и я ещё четыре года работал консультантом при психоневрологическом диспансере, участвовал также в работе учёного совета по защите диссертаций.